

КОНТРАСТ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (ОПЫТ АНАЛИЗА РАССКАЗА В.М.ШУКШИНА «КРЕПКИЙ МУЖИК» В ВУЗЕ)

© 2015 Г.С.Голованова¹, З.Н.Бакалова²

¹ ГБОУ СОШ №2 п.г.т. Усть-Кинельский

² Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 17.08.2015

В статье раскрывается роль художественного контраста как способа организации концептуализированного пространства рассказа В.М.Шукшина «Крепкий мужик» и определения на этой основе авторской модальности. Анализируются разнообразные линии контрастного изображения фактов и способы их речевой экспликации.

Ключевые слова: В.М.Шукшин, контраст, православный храм, лингвопоэтика, концепт, дискурс, церковь, кирпич, крепкий мужик.

Современная ситуация в языкознании, начиная примерно с 1970-х годов, характеризуется сменой векторов лингвистических интересов: движением от изучения языка к анализу речи, главным образом, художественной, предполагающей исследование языковых средств в аспекте их специфического функционирования в произведениях словесного искусства. «Проблемы текста – актуальнейшие проблемы современной лингвистики», – считает профессор Ю.А.Левецкий. Это верно. Несмотря на то, что основы филологического анализа текста были заложены еще в 1920-х годах работами Л.В.Щербы¹ и Б.А.Ларина², затем В.В.Виноградова³ и успешно продолжены в трудах современных литературоведов, текстологический уровень до сих пор значительно менее изучен, нежели языковой. А между тем слово в широком его понимании (как языковое средство вообще) служит первоосновой художественного текста.

Общеизвестно, что внутренний мир талантливого произведения словесного искусства обладает художественной цельностью. «Отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественной системе», писал Д.С.Лихачёв. Существует много филологических исследований, практически иллюстрирующих и подтверждающих эту истину на разнообразном литературном материале.

Одной из действенных, образно говоря, пружиной художественной системы, способствующей созданию цельности литературного произведения, может быть контрастный принцип изображения реальности. В лингвистической литературе звучала мысль об «антиномичности художественной эстетики»⁴ В.М.Шукшина. Но «Крепкий мужик» В.М.Шукшина⁵, как и многие другие его рассказы, не изучался с точки зрения изображения лиц, событий, объектов посредством их противопоставления. Основными целями данной статьи служит выяснение и описание роли контраста как способа организации концептуализированного художественного пространства названного литературного творения и определения, таким образом, авторской модальности как авторского отношения (оценки) изображаемого.

Художественный прием контраста – один из способов познания, отражения и восприятия со-

⁰ Голованова Галина Сергеевна, учитель русского языка и литературы аспирантка филологического факультета.

E-mail: galinagolovanova89@mail.ru

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания.

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

¹ Щерба, Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 26 – 45.

² Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателей: избранные статьи / Б.А.Ларин. – Л.: Худ. лит., 1974. – С. 34 – 36.

³ Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

⁴ Хисамова, Г.Г. Социально-психологические типы личностей в рассказах В.М.Шукшина / Г.Г.Хисамова // Филологические науки. – 2008. – №4. – С. 100 – 109.

⁵ Шукшин, В.М. Крепкий мужик // Полное собрание рассказов В.М.Шукшина в одном томе: рассказы. – М.: ЭКСМО, 2013. – С. 430 – 436.

держания художественного текста. Каким образом выражается контрастное изображение предметов и явлений действительности? Явный контраст репрезентируют языковые антонимы, речевые антонимы (контекстуальные, индивидуально авторские), по-иному, – слова или словосочетания антонимические противопоставленные друг другу в определенном контекстном окружении, тоже формируют контрастное восприятие, но менее четкое и более размытое, нежели при использовании антонимов языковых. Наконец, контрастное описание каких-либо реалий может быть передано совокупностью многих языковых средств и способов их употребления в художественном тексте, а также всей логикой повествования. Именно контраст такого рода лежит, по нашему мнению, в основе рассказа В.М.Шукшина «Крепкий мужик».

Надо сразу оговориться, что нас интересует не только филологическая теория, но и методика проведения филологического разбора. Учебная дисциплина «Филологический анализ текста» обычно читается на 5 курсе гуманитарных вузов одновременно с историей литературы второй половины XX века, что облегчает усвоение студентами творчества В.М.Шукшина.

Настоящий анализ выполнен в русле работ по лингвопоэтике как отрасли филологии, изучающей язык художественного произведения. Основы лингвопоэтики были заложены В.В.Виноградовым⁶, ратовавшим за сближение двух подходов – литературоведческого и лингвистического. Предметом лингвопоэтики служат языковые средства, с помощью которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения художественного замысла.

Полное понимание художественного произведения возможно лишь при условии фоновых знаний социального, экономического, исторического и культурного характера, учете моральных, этических и эстетических ценностей, характерных для описываемых событий и эпохи, вещного и бытового уклада, людских нравов, иначе говоря, при учете дискурса. Важными категориями дискурса как единства фоновых экстралингвистических знаний (пресуппозиций) и текста словесно-художественного произведения является время и пространство, поскольку они многое объясняют. Время действия в рассказе «Крепкий мужик» точно не названо, но, судя по реалиям, это могут быть 60-е годы XX столетия, когда был написан рассказ, так и более раннее время со-

ветской действительности. Место действия – небольшое русское село с его обитателями.

Студенты заранее получают следующее домашнее задание: 1) прочитать текст рассказа «Крепкий мужик», 2) сформулировать свое впечатление от названия рассказа до прочтения его содержания (читательские ожидания, предположения) и после его прочтения, выписать определение лексемы «крепкий» из толкового словаря, ответить на вопрос, можно ли назвать заголовок рассказа сильной позицией; 3) определить линии контрастного изображения событий, лиц, предметов речи и языковые средства их экспликации; 4) на основании проделанной аналитической работы охарактеризовать концептуальное содержание рассказа и авторскую модальность текста.

Занятие ведется в форме полилога: преподаватель – студенты. Задаются вопросы типа:

– Как вы думаете, какой путь анализа прева-лирует у нас в соответствии с вопросами домашнего задания: литературоведческий или лингвистический? В чем достоинства этого пути? Ответы студентов, как правило, сводятся к тому, что лингвоцентрический подход, т.е. анализ функционирования языковых средств (путь от формы к содержанию) дает более объективные результаты, нежели соображения без детализированной опоры на языковые факты. Такое изучение – «изнутри» художественного текста, от его «атомов» в виде разнообразных языковых единиц – может дать наиболее верное и точное, не искаженное никакими идеологическими изысками представление как о концептуальной сути художественного произведения, так и о личности его создателя.

Метод работы с материалом традиционный – описательно-аналитический, в виде наблюдений «над организацией языковых элементов в одно художественное целое».

Анализ рассказа мы предваряем выявлением сути его заглавия. Студенты формулируют ассоциации, возникающие у них в связи со словосочетанием «крепкий мужик». Зачитывается словарное определение лексемы «крепкий». Все лексико-семантические варианты этого многозначного слова скрепляются семой высокой интенсивности проявления признаков. Эти признаки из разных сфер жизни несут либо положительную аксиологическую окраску (прочный, физически сильный, стойкий), либо нейтральную оценочную тональность (словосочетания «крепкий мороз», «крепкий сон», «крепкий раствор» и др.). Во всяком случае ни одно из значений не несет негативной семантики. Естественно, что читатель, судя по названию, не ждет ни-

⁶ Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

чего плохого или неприятного от содержания рассказа, понимая лексему «крепкий мужик» либо как физически сильный, либо нравственно здоровый, либо как жизнестойкий, либо как материально состоявшийся человек – по аналогии со словосочетанием «крепкое хозяйство». Значение физической силы, действительно, имеет место (*Шурыгин подбежал к учителю, схватил его в березах и понес прочь от церкви. Щуплый учитель вырывался как мог, но руки у Шурыгина крепкие*). А остальное? Не будем забегать вперед. Все же для создания интриги скажем: В свое время известный литературовед В.Шкловский писал, что некоторые заголовки – уже разгадки литературного произведения. Однако заглавие «Крепкий мужик» – скорее загадка, которую нам со студентами предстоит разгадать. Поскольку одно только название рассказа уже рождает множественность ассоциаций, можно будет говорить о полифонии этого словосочетания, когда в сознании актуализируются сразу несколько потенциалов, находящихся потом свое подтверждение (или отрицание) в художественно тексте.

Кратко сформулируем сюжет рассказа и лишь затем обратимся к способам организации его художественного пространства. В колхозе «Гигант» (явная гипербола) освобождается церковное помещение, ранее использовавшееся в качестве склада стройматериалов. Неожиданно для всех бригадир Шурыгин вызывается снести церковь... ради кирпича для свинарника. Когда сбегаются встревоженные колхозники, Шурыгин ощущает себя «важным деятелем с неограниченными полномочиями»: с привычной матерщины переходит на презрительное молчание, как будто он не видит и не слышит возмущения окружающих. В результате подогнанные им трактора сносят сельский храм. Шурыгин торжествует.

Анализ целесообразно начать с подбора текстовых иллюстраций шурыгинских мотивов разрушения церкви. Мотивов по меньшей мере два. Один из них – «халява» (выражение самого Шурыгина), т.е. бесплатный кирпич, хотя у колхоза имеются собственные запасы. Второй мотив – геростратовское желание прославиться и остаться в памяти деревенских потомков:

«Шурыгин долго смотрел на ребяташек. Смотрел и успокаивался. Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Я вон помню, как Васька Духанин с нее крест своротил. А тут – вся грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Шурыгин зацепил тросами и...»⁷.

Ассоциации с Геростратом, по сути дела, скрытая аллюзия, т.е. авторский прием, намекающий на известный историкокультурный факт. Герострат еще в 550 году до нашей эры поджег в г. Эфесе одно из семи чудес древнего мира храм богини охоты Артемиды, дабы войти в историю. Такой же сомнительной славы, только в местных масштабах, возжаждал и Шурыгин, не ведая, разумеется, ни о самом Герострате, ни о том, что тот был казнен, предан проклятию, а имя его было запрещено к упоминанию.

Далее зачитываются языковые средства, иллюстрирующие совсем иные мотивы защитников церкви. Они представлены прямой речью персонажей («*Бывало, откуда не идешь, а ее уже видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее – вроде уж дома. Она сил прибавляла*») и речью самого повествователя («*Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо, привыкли видеть каждый день*»; «*Церковка оживляла деревню, некогда сельцо, собирала вокруг себя, далеко выставляла напоказ*»). Отметим для себя уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных.

Сопоставим и эмоциональные реакции разрушителя церкви и ее защитников. И хотя обе стороны достаточны сильны в эмоциональных выражениях, речь Шурыгина отличается особо бранной лексикой: «*Вон отсюда*»; «*Я вам прижму хвосты!*» и т.п. и презрительно-хамской оценкой поведения своих односельчан: «переживут», «хай подняли». Показателями агрессивности Шурыгина становятся также ремарки повествователя: «заорал», «заревел», в том числе и паравербальные характеристики общения «крепкого мужика» с людьми: «затрясся», «побелел», «вспухли толстые жилы».

Особенно важен диалог Шурыгина с матерью. Она упрекает сына так же, как и другие сельские бабы. Ей совестно и страшно за сына («*Грех-то какой взял на душу <...> ох, горе ты мое горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь тебя, проклянут-ут! <...> Дьявол зудил руки...*»). А в ответ мать слышит: «*Ладно, лежи хворай!*» В системе морально-философских координат шукшинских рассказов личность матери обычно служит воплощением нравственного и охранительного начал, а суть центрального героя нередко раскрывается через призму материнского восприятия («Сураз»). Полагаем, что материнская оценка поступка неразумного сына весьма весома и значима и в глазах читателя.

Итак, определилась первая линия контраста в рассказе: разрушитель храма как носитель зла и корысти и его «оппоненты» – сельские жители, односельчане, защитная позиция которых, прав-

⁷ Шукшин, В.М. Крепкий мужик – С. 430 – 436.

да, была довольно пассивна: увещевания вместе энергичных действий. Контраст вылился в серьезный конфликт. Если говорить схематично, то он выглядит так: не разорь церковь – хочу и буду разорять. Конфликт в данном случае – это столкновение ценностно-смысловых позиций, установок, целей, интересов, которые получают развернутое вербальное воплощение. Проявился он не только в поведенческой, но и в речевой агрессии.

Путем ответов на ряд вопросов в виде цитаций из текста выявляем другую линию контраста – противопоставление намерения разрушить церковь с «халявным» кирпичом и его итога (схематично: что хотел ~ что получил «крепкий мужик»). Разрушить-то он храм разрушил, но безрезультатно: бесплатного кирпича не получилось.

«Покрошилось много. Причем они так: по три, по четыре кирпича – кусками. Не знаю, как их потом долбить: попробовал ломиком – крепкая, зараза!»

Смутила ли Шурыгина безрезультатность его черного дела? Ничуть. Он отнесся к этому равнодушно, если не сказать наплевательски:

«К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу, и пусть крапивой зарастает».

Полностью храм не дался на откуп разорителю, как бы сопротивляясь новому низменному назначению – служить самым грязным животным – свиньям, а не нести утешение и успокоение верующим людям. Материалистическое объяснение невозможности использования кирпича состоит, скорее всего, в том, что кирпич в церковной архитектуре зачастую укладывался на куриных желтках. Получалось литье, а не кладка, о чем малограмотный бригадир не имел ни малейшего представления. На досуге легче было выпить, нежели почитать полезную книгу по специальности. Такой потребности не было.

Вернемся к названию. Теперь можно уточнить его смысл и ответить на вопрос по поводу того, почему заглавие можно считать сильной позицией, т.е. весьма значимой для содержания литературного произведения. Мы наблюдали, как по ходу повествования в рассказе ступенчато снижался образ «крепкого мужика» за счет разрушения храма, неуважения к общему мнению, вульгарной ругани, а затем откровенной радости по поводу своего гнусного «дела».

«Всё, угорела, – весело закричал он в трубку председателю колхоза <...> Церква-то угорела! Ага. Все в порядке. Учитель тут пошумел малость...»

Но! Учитель, а хуже старухи. Все в порядке <...> Ничего»⁸.

Образ крепкого мужика наполняется совсем иным смыслом, нежели ожидаемый вначале. Значение «физически сильный» остается, но происходит семантический сдвиг: физически сильный и одновременно грубый и тупоголовый самодур, «упёртый» и «дуболобый», как говорят в народе, что вызывает рассогласование коннотативных оценочных сем и перевод в иную эмоционально-смысловую плоскость. В результате лексема «крепкий» оказывается наделенной неким прагматическим потенциалом, поскольку отвечает намерению автора преподнести завуалированный урок читателю, как будто ответив на вопрос «крохи», «что такое хорошо и что такое плохо».

Контрастность образа мужика (сначала со знаком плюс, а потом со знаком минус) возникает за счет использования приема антифразиса. Антифразис – это любая языковая единица – в нашем случае словосочетание в названии «Крепкий мужик», употребляющаяся в контексте в двух прямо противоположных значениях. Такая трансформация по контрасту обычно служит одним из средств выражения иронии или осуждения. «В малых жанрах антифразис может быть лейтмотивом, пронизывающим весь текст», – считает А.П.Сковородников⁹. Эта функция реализуется и в рассказе В.М.Шукшина.

Из сказанного выше в общих чертах уже ясна авторская модальность. Осталось довершить эту картину за счет некоторых характерных языковых штрихов и приемов. Почитаем, о чем говорит нарисованная пристрастным авторским пером образная картина гибели сельского храма:

«Хрястнуло бревно <...> Дрогнул верх церкви... Стена <...> вдруг разодралась по всей ширине... Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и рухнул вниз. Земля вздрогнула, как от снаряда, все заволокло пылью»¹⁰.

Церковь умирала быстро, но мучительно. Понятие «дрогнул», обычно применяемое к человеку (дрогнул глосс), вызывает сочувствие. Снаряд ассоциируется с войной, рваная щель – с рваной раной, бревно хрустнуло, подобно человеческим

⁸ Шукшин, В.М. Крепкий мужик – С. 430 – 436.

⁹ Сковородников, А.А. Антифразис / А.А.Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – М.: Флинта; Наука, 2005. – С. 50 – 52.

¹⁰ Шукшин, В.М. Крепкий мужик – С. 430 – 436.

косточкам. Разговорные глаголы «разодралась» и «рухнул» тоже экспрессивны за счет весьма сильного обозначения действия. Антонимы «белый – черный» реализуют образ разорения в цветовом регистре. На прощание поклонилась церковь своим прихожанам накренившейся маковкой и превратилась в прах. В результате возникает представление о храме как о живом существе, обреченном на насильственную смерть. Замерли люди, как парализованные. Автор сопереживает вместе с сельчанами.

Описание средств разрушения церкви выполняет функции создания противоположного воздействия на читателя: «Ревели три трактора, напрягая свои железные силы <...> Тросы натянулись, заскрипели, затрещали, зазвенели». Здесь еще и звуковые краски, рождающие неприятный образ мертвящей убойной техники.

Снова противопоставление и даже двойное. Уютная и желанная церковь противопоставляется безжалостным орудиям разрушения и угрожающим результатам этого разрушения. «Кирпич лежал безобразной грудой, пахло затхлым духом потревоженного подвала».

Многие века на Руси жило православие. Много тайн и секретов хранил скромный храм, облежавший души исповедовавшихся в нем тружеников. Пережил он послереволюционные времена с их воинствующим атеизмом, удержался и в военные нищие годы, когда кирпич был нужнее, чем в устоявшиеся мирные, но настигла его рука убийцы, руководствовавшегося своей дикой логикой: «А чего ему стоять, глаза мозолить?» Победил Шурыгин. Победил ли?

Обычно студенты единодушны в том, что победа была мнимой. Шурыгин не только не смог воспользоваться плодами своего деяния, он остался в полной изоляции, став «чужим среди своих», так и не поняв ничего своим неразвитым ленивым мозгом. «Жена, не приготовив ужина, ушла к соседям». Мать предрекла сыну Божью кару: «И знать не будешь, откуда напасти знать. То ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай». Продавщица отказалась «отоварить» «идиота»: «Дам вот сейчас гирькой по кумполу!» И злость их какая-то необычная: всерьез ненавидят.

Т.о., отношения контраста пронизывают весь рассказ В.М.Шукшина, организуя его художественное пространство в лексико-грамматическом (формальном) плане и плане концептуально-содержательном. Все линии контраста направлены на главную идею: осуждение насилия применительно к нужному людям святому месту в независимости от официального отношения к религии в описываемую эпоху. Это рассказ звучит

как дань уважения к русской православной традиции, а церковь – как образ дома и спокойствия, хранительницы духовного начала, тех сил, которые питают человеческую душу.

Кроме заголовка литературного произведения, к сильной позиции обычно относят его концовку. Это рассказ – не исключение. Концовка подводит итог характеристики образа антигероя. Прочитаем ее:

«Шурыгин завел мотоцикл <...> надал газку... И пропел громко, чтобы все знали, что у него – от всех этих проклятий – прекрасное настроение:

Что ты, что ты, что ты!

Я солдат девятой роты,

Тридцать первого полка...

Оп-тирдар – пупия.

Мотоцикл вырлил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду»¹¹.

Прекрасное настроение от подлого дела выливается в глупейшую песню с бессмысленным неэстетичным припевом. Словосочетание «воткнул лезвие» ассоциируется с разбоем. Мы согласны с Г.Г.Хисамовой в том, что гоголевский мотив русской удали и размаха («Птица-тройка»; «И какой же русский не любит быстрой езды!») при отсутствии духовного начала вызовет у читателя скорее раздражение и досаду, но никак не солидарное понимание¹².

Субъект речи, которого мы условно приравниваем к повествователю, фиксирует события, из которых с очевидностью вытекают многие смыслы и оценки. Писатель В.М.Шукшин видит все происходящее еще глубже. Он обычно программирует некую перспективу мышления: либо житейскую, либо философскую. В рассказе «Крепкий мужик» ход событий, обнаруживая несостоятельность претензий главного героя, вредоносность его активности, предостерегает нас от снисходительности, терпимости, пассивности или равнодушия, особенно в принципиальных случаях типа покушения на памятники культуры или унижения человеческого достоинства. Сходные мотивы людской слабости в противостоянии злой воле отдельных личностей звучат и в подтексте других рассказов Шукшина. Одна из вариаций описана, например, в рассказе «Срезал», где интеллигент не смог противостоять откровенному хамству своего гостя. Другая вариация реализована в рассказе «Кляуза», где вахтерша унижает больного воспалением легких, и тот не

¹¹ Шукшин, В.М. Крепкий мужик – С. 430 – 436.

¹² Хисамова, Г.Г. Социально-психологические типы личностей в рассказах В.М.Шукшина – С. 100 – 109.

находит иного выхода, как сбежать в больничной пижаме на дождь и холод.

Сквозными для творчества Шукшина стали мотивы душевной глухости, неспособности и нежелания понять других людей, примитивности и духовной неразвитости («Свояк Сергей Сергеевич», «Капроновая елочка», «В профиль и анфас»). Все эти мотивы и идеи новелл Шукшина, хотя они часто высказаны не прямо, а в под-

тексте, будут восприняты хотя бы суггестивно и непременно отзовутся в душе читателей, а, может быть, кого-то предостерегут в жизни и чему-то научат.

Т.о., частный жизненный случай из рассказа «Крепкий мужик», вписываясь в концептуальное поле шукшинского художественного творчества, приобретает масштабы и глубину.

**CONTRAST AS WAY OF CONCEPTUAL ORGANIZATION OF ART SPACE
(BASED ON THE ANALYSIS OF V.M.SHUKSHIN'S STORY "THE STRONG MAN"
IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION)**

© 2015 G.S.Golovanova¹, Z.N.Bakalova²

¹ School №2. Ust-Kinelsky

² Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article reveals the role of artistic contrast as a way of organization of conceptualized space of V.M.Shukshin's story "The strong man" and defines on this basis the author's modality. Various lines of the contrast image of the facts and ways of their speech explication are analyzed.

Keywords: V.M.Shukshin, contrast, Orthodox church, linguopoetics, concept, discourse, church, brick, strong man.

^o Galina Sergeevna Golovanova, Teacher of Russian and literature, Postgraduate of Faculty of philology.

E-mail: galinagolovanova89@mail.ru

Zinaida Nikolaevna Bakalova, Doctor of philology, Professor of Department of Russian language, culture of speech and methods of their teaching. E-mail: abakalov1941@yandex.ru